

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П47

Познер, Владимир Владимирович

П47 Испанская тетрадь. Субъективный взгляд / Владимир Познер. – Москва: Издательство АСТ 2020. – 128 с. (Владимир Познер. Субъективный взгляд)

ISBN 978-5-17-120363-4

«Если вдуматься, то между Испанией и Россией удивительно много общего. Обе являют собой край Европы, одна – западный, другая – восточный. Оба народа долгие столетия находились под гнетом чужих завоевателей: испанцы – мавров, русские – монголов. В истории каждой из них формирующую роль играли (почти в одно и то же время) два тирана, деятельность которых остановила надолго движение в сторону Возрождения и демократии: в Испании – Филипп II, в России – Иван IV. Обе страны были раздираемы гражданскими войнами, приведшими к власти душегубов и палачей: в Испании – Франциско Франко, в России – Иосифа Сталина. И до сегодняшнего дня в обеих странах люди продолжают делить друг друга на условных «красных» и «белых».

Владимир Познер

ISBN 978-5-17-120363-4

© Владимир Познер
© ООО «Издательство АСТ»

Посвящается В.Н.Ч.

Содержание

8	Субъективный взгляд
15	Алекс де ла Иглесиа
21	Сусана Гарсия
27	Педро Гарсия Бильбао
33	Ахмед Бермехо
37	Абдул-Алим Молинеро Гарсия
41	Хамон
45	Роджер Альбиньяна
49	«Ла Педрера»
53	Кастельеры
57	Фламенко
61	Алькасар
65	Хайме Алонсо
71	Блас Пиньяр Гутьеррес

- 77 Карлос Осоро Сьерра
- 81 Мариан Беитиаларрангоитиа
- 83 Иньяки Перурена
- 85 Луис дель Ольмо
- 89 Казтано Ривера Ордоньес
Франциско Ривера Ордоньес
- 95 Курро Камачо, директор школы тореро «Амате»
- 99 Серхио Карамбано Хименес
- 101 Сесар Паламос
- 105 Энрике Гонсалес Мачо
- 109 Пилар Эйре
- 113 Педро Рамирес
- 121 Джозеф Ахрам
- 123 Ориол Хункерас

Субъективный взгляд

Поездка по Испании изначально была странной. Я в Испании бывал. Первый раз, мне было шесть лет, семья бежала из оккупированной Франции. Помню, что сидел в купе и с удивлением смотрел через окно на то, как мой отец плачет, прощаясь со своей сестрой, моей тетей Тото. Еще помню, что в купе кроме моей мамы была молодая женщина, которая была представлена мне как «твоя няня». Много лет спустя я узнал, что это была не няня (как только мы пересекли испано-португальскую границу, она исчезла), а дочь богатой еврейской семьи, согласившейся дать моему отцу некую сумму денег, необходимую для подкупа гестапо и получения документа для выезда из Франции. Без такого документа ему, еврею, да еще с Нансеновским паспортом¹, выезд был заказан, а собственных денег на подкуп гестапо у него не было.

1 Выдающийся норвежский исследователь Арктики и гуманист, Фритьоф Нансен, в 1922 году представил документ для беженцев (тогда преимущественно русских), который позволял им жить и работать без ограничений. Этот документ получил международное признание.

Еще помню, что на франко-испанской границе испанский пограничник потребовал открыть один из чемоданов, и когда папа открыл его, таможенник залез рукой на самое дно, вытащил книгу и, посмотрев название, положил ее назад, взял под козырек, развернулся и вышел из купе. Папа с мамой хохотали, хотя я ничего смешного в этом эпизоде не увидел. Позже папа рассказал мне, что книга называлась «Мемуары кардинала де Рец» и что пограничник, видимо, страстный католик, увидев слово «кардинал», мгновенно решил, что человека, возящего с собой такую литературу, невозможно заподозрить в неблагонадежности и такой человек достоин глубокого уважения. Причина смеха заключалась в том, что кардинал де Рец был авантюристом и фрондером, вызывавшим гнев католической церкви. Если бы пограничник был более образован, нам бы грозила опасность: увидев книгу фрондера, он бы потребовал открыть все чемоданы, в одном из которых обнаружил бы три тома избранных сочинений В.И. Ленина. Зачем отец так рисковал, я так и не спросил его никогда, но это была совершенно бессмысленная игра с огнем. Впрочем, не единственная и далеко не самая опасная в его жизни.

Еще я помню, как мы шли по мадридской улице, папа нес багет. Навстречу шел мальчик лет 14-ти, необыкновенно худой. Он сказал что-то папе, который протянул

ему багет. Мальчик взял его, вопросительно посмотрел на папу, а потом бросился прочь, прижимая к груди хлеб. Я спросил папу, что сказал мальчик, и он ответил мне:

– Он сказал, что хочет есть.

– А почему он убежал? – спросил я.

– Потому что боялся, что я передумаю и отниму у него хлеб.

Я тогда не знал ничего об испанской гражданской войне, о том, кто такой Франко. Но потом, через несколько лет, живя в Нью-Йорке, я познакомился с несколькими испанцами – политическими беженцами, дружившими с моими родителями, и постепенно получил представление об этой войне.

Когда мне исполнилось 14 лет, когда мой отец потерял работу за свои «красные» взгляды, когда нам пришлось переехать из двухэтажной дорожной квартиры, расположенной в престижном районе Нью-Йорка, в совсем скромную квартиру и в совсем другой район, меня из-за тесноты определили жить у Марии Луисы Фалькон, испанской подруги моих родителей, воевавшей против Франко и еле сумевшей унести ноги от фалангистов.

Я Марию Луису обожал за сияющую улыбку, за необыкновенную доброту, за то, что она позволяла мне ложиться спать, когда хотел (в отличие от строжайшего домашнего порядка), и еще за то, что когда однажды она обнаружила под моей кроватью набор полупорнографических журналов, она не

сказала ни слова, а лишь аккуратно сложила их стопочкой на полке у изголовья моей постели.

Много лет спустя, учась на биофаке Московского государственного университета, я подружился с Антонио Претелем, родители которого бежали от Франко в Советский Союз в 1939 году. Он, как и подавляющее большинство «советских» испанцев, вернулся на родину сразу же после смерти Франко (1974 г.). Этот массовый отъезд запомнился мне навсегда. Эта тяга к родной земле после тридцати пяти лет жизни, – пусть на чужбине, но на чужбине, ставшей второй родиной для одних и реальной родиной для тех многих других, кто родился в Союзе, – поразила меня. Мне кажется, такой жажды своей земли нет ни у одного другого народа.

Не знаю, почему, но Испания меня всегда, с самого детства, занимала, казалась особой, таинственной, непохожей на все прочие страны Европы. Я зачитывался книжками о конкистадорах, о могущественной Испании XVI века, об инквизиции. Дома у нас в Нью-Йорке висела превосходная копия картины Гойи «Мальчик в красном»: красное платье резко оттеняет белизну лица и черноту глаз и волос ребенка. От него веет беззащитностью; три кота притаились за мальчиком справа и жадно уставились на птицу, которую тот придерживает

бечевкой. Дальше слева – клетка с птичками. Так получилось, что моим первым художником стал испанец Гойя. С него началась моя страстная любовь к живописи. С его живописи началось пробуждение во мне, двенадцатилетнем подростке, чувственности. Его «Маха одетая» и «Маха обнаженная» вызвали мои первые эротические сны. Герцогиня Альба терзала мое воображение и тревожила мой сон много лет, и даже сейчас, на склоне моего пребывания на этой Земле, она то и дело появляется в моих снах и манит... в Испанию. Была еще одна картина Гойи, которая врезалась в мою память навсегда: «Третье мая 1808 года». Прямо сейчас, сидя в бизнес-лаунже терминала «В» аэропорта Шереметьево в ожидании приглашения на посадку в Симферополь, я вижу раскинутые руки, белки глаз и оскал расстреливаемых наполеоновскими солдатами испанцев-сопротивленцев – «гверильи». И знаю, что никогда не видел и не увижу ни одной картины, столь невыносимо громко кричащей об ужасе войны, как «Герника» – картины Пикассо, еще одного испанца.

Словом, Испания с самого детства не оставляла меня. Когда я решил снимать документальный фильм «В поисках Дон Кихота», – не представлял себе, с каким чувством разочарования я завершу его. По сей день считаю, что это самый слабый мой фильм. Подчеркиваю: мой. Потому что съемочная группа, как всегда, работала

безупречно. Но мне не удалось проникнуть в суть Испании, не удалось показать ее особый цвет и запах, ее тайну. Осталось чувство неудовлетворенности, досады. Что было, то было, уже ничего не поделаешь, но возвращаясь к испанскому опыту с помощью этой «тетради», я постараюсь передать то, что мне не удалось передать в своем фильме.
